

Къ воспоминанію о Чеховѣ.

И у меня есть воспоминаніе о Чеховѣ.

Я не былъ съ нимъ знакомъ, никогда не видѣлъ Чехова, но однажды написалъ ему и въ отвѣтъ получилъ письмо отъ него. А произошло это слѣдующимъ образомъ.

Дѣло относится къ 1900 году. Въ то время я еще писалъ рассказы, безбожно подражая Чехову и отчасти Толстому и, такъ какъ, въ общемъ, выходило гражdanно и складно, а порою и искренно, то мнѣ казалось, что въ концѣ-концовъ я могу сдѣлаться настоящимъ писателемъ, т. е. такимъ, произведенія котораго значительны и нужны для людей. Все-таки, я сомнѣвался и потому рѣшилъ за разрѣшеніемъ сомнитѣль (помню — для меня тогда очень мучительныхъ) обратиться къ Чехову, въ искренность и художественное чутье котораго и всецѣло вѣрилъ.

15-го іюня, 1900 года, я послалъ Чехову въ Ялту одинъ изъ моихъ рассказовъ, напечатанныхъ раньше въ „Прязовскомъ Краѣ“, при письмѣ съ убѣдительною просьбою — отвѣтить по совѣсти, чего стоитъ рассказъ. Я зналъ, что Чеховъ боленъ, понималъ, что не деликатно приставать къ нему за разрѣшеніемъ вопроса, важнаго только для одного меня; но, повторяю, очень ужъ я мучился сомнѣніями (да и — сказать по правдѣ — въ самомъ отдаленномъ уголкѣ души все-же надѣялся: аюсъ, Чеховъ меня похвалитъ). Конечно, въ письмѣ я очень извинялся и просилъ Чехова, если отвѣтъ затруднитъ его, совѣтъ не отвѣчать и —

по всякомъ случаѣ, — не спѣшить съ отвѣтомъ.

22-го іюня, т. е., черезъ недѣлю по отправкѣ письма я уже держалъ въ рукахъ небольшой конвертъ съ штемпелемъ „Ялта“, на которомъ бисернымъ почеркомъ былъ изображенъ мой адресъ. Письмо было отъ Чехова съ датой „19-го іюня 1900 г.“.

— Какъ же это такъ? — думалъ я, — письмо опущено 15, въ Ялту пришло 17-го — 18-го, — а уже 19-го Чеховъ отвѣчаетъ мнѣ? Чеховъ! Мнѣ! Значитъ, получивши рассказъ, Чеховъ сейчасъ же сталъ читать его, а прочитавъ, немедленно написалъ, что о немъ думалъ?

И, все еще не читая самаго письма, а, какъ драгоценность, сжимая его въ рукахъ, и вдумываясь въ значеніе того, что произошло, т. е. что знаменитый писатель, озабоченный своимъ творчествомъ, осаждаемый разумѣется, со всѣхъ сторонъ всякаго рода обращеніями и личными и письменными, такъ больно я и страдающій — стояло лишь какому-то никому невѣдомому обывателю обратиться къ нему съ искренней просьбой о душевной помощи, — сейчасъ же, сразу, оставивъ на время собственные дѣла, откликается на просьбу, спѣшитъ на помощь. И изъ того, что произошло, на меня глянула и душу мою освѣтила и умилила душа Чехова — искренняя, кроткая, любящая и простая.

И, помню, я заплакалъ радостно и умиленно.

А вотъ и самое письмо: „Мило-

стими государь, Андрей Ивановичъ! Рассказъ Вашъ очень хорошъ, только онъ, въ ущербъ его художественнымъ достоинствамъ, длиннѣе, въ немъ много ненужныхъ подробностей, такихъ выраженій, какъ „специфическій“ и проч. и проч. Только рассказа нарушенъ изображеніемъ драки между героемъ и супругомъ, драки совершенно ненужной, крушенія поезда; мнѣ это показалось чуждымъ на картину спокойнаго моря, гдѣ въ двухъ-трехъ миляхъ нарушая величье, цѣлостность и серьезность впечатлѣнія, изображаются ни съ того, ни съ сего высокие

волны. Особо неумѣстная драка — и грубая и ненужная. Опять-таки, повторяю, показалось мнѣ, а, быть можетъ, это и не такъ. Желаю Вамъ всего хорошаго. Готовый къ услугамъ А. Чеховъ“.

Какъ дружески-искренно, тепло, умило и — какъ скромно!

Послѣ этого я, помню, все собирался побѣжать къ Чехову, да все было некогда: на очереди стояли другія „болѣе важныя“ дѣла. Черезъ 4 года Чеховъ умеръ, а у меня отъ него остался этотъ маленький, милый почтовый листокъ, неписанный бисернымъ почеркомъ.

А. Петровскій.